

The background of the cover is a detailed oil painting. It depicts a dark, multi-masted sailing ship on a turbulent sea. The sky is filled with dark, swirling clouds, and a large, glowing yellow sun or moon is positioned in the upper right quadrant. The overall mood is somber and atmospheric. In the top left corner, there is a white rounded rectangle containing the text '18+'.

18+

В Вещие сны ноября
Alice Palermo

Alice Palermo

Вещие сны ноября

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63015653

ISBN 9785005165169

Аннотация

Что есть жизнь? Нить, ведущая от рождения до смерти, черта, что соединяет начало и конец. Нить эта извивается, путается, заворачивается в петли, каждая из которых – черная дыра, некое событие, меняющее направление. В петлях время останавливается, раскрывается душа, проясняется то, что ранее было скрыто. Прямая нить – скучна. Её не будет здесь. Добро пожаловать в чужие петли.

Содержание

«Клуб юнг и юных моряков»	5
Огни в чужом пруду	10
Последние дни августа	13
«Здесь спит феникс»	16
Все, что ты хочешь забыть	21
Пикирующая ласточка	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Вещие сны ноября

Alice Palermo

© Alice Palermo, 2020

ISBN 978-5-0051-6516-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Клуб юнг и юных моряков»

Мальчик толкнул старую дверь, та со скрипом подалась. Из дома повеяло сыростью и затхлостью. С этим запахом смешался еще один – жизни. Как, спросите вы, могли смешаться настолько противоположные вещи?

Очень просто. Дом этот был базой деревенских мальчишек. Они вдохнули жизнь в его шаткие стены, освоили все подвалы, разгребли чердак. На старую веранду натянули новый кусок ткани с завода, а над воротами теперь красовалась уже слегка потрепанная ветрами и ливнями надпись: «Клуб юнг и юных моряков».

Христоф неловко шагнул внутрь. Предательски скрипнул пол.

Голоса, до этого манящие своей загадочностью, стихли. Медленно, стараясь не создавать лишнего шума, он поднялся по бетонной, пахнущей тиной, лестнице.

– Кого там принесло? – раздался крик с чердака. Там, в темноте, окутанные пылью и неизвестностью, закутанные в горы карт и зарисовок, сидели мальчишки. Христоф выглянул из узкого люка.

– Привет, – он взволнованно осмотрелся. Ближе всех к нему сидел темноволосый взерошенный главарь, прожигающий его взглядом, полным ненависти. Рядом с ним белело еще одно неприметное лицо, а в самом углу выглядывал

из тени неряшливо пристроившийся на старом сундуке веснушчатый рыжий мальчик. Что-то странное было в нём, что-то манящее, любое его движение было настолько плавным, что, казалось, он не рисует, не перебирает карты, а танцует, зачарованно глядя в огромный ритуальный костёр. Христофу даже на секунду почудилось, что он видит отблески этого костра в его огненных волосах, и они притягивали и отталкивали его одновременно.

– Ну и что ты здесь забыл? – раздался строгий голос вожака, – Это наша база!

При слове «база» он гордо вскинул подбородок и постукал пальцем по выдавшему виды компасу с узорчатой крышкой. Но Христоф не шелохнулся.

– Я видел вас там, на берегу. Вы стояли и ждали, явно чего-то ждали...

– Убирайся, – главарь перебил его.

– Ждали и смотрели на горизонт, смотрели на черную воду, будто хотели ловить любое движение там, в глубине.

Вожак переглянулся с веснушчатым малым.

– Вилли, – тот нарочито спокойно поднял взгляд от карты на чужака и улыбнулся одним уголком рта. От этой улыбки у Христофа свело скулы, – Расскажи ему, небось так просто не отвяжется.

Рыжий поманил его пальцем и, сверля своими неестественно-голубыми глазами, которые будто слегка светились в темноте чердака, повернул голову на бок и заговорил.

– Как тебя зовут?

– Христоф.

Он взволнованно сглотнул. Слишком уж странный был этот Вилли.

– Христоф значит, – он провел пальцем по Атлантическому океану, – Слышал ли ты, Христоф, легенду, которая ходит про нашу бухту? Знаешь ли ты, что в водах этих живет ? Нечто огромное, но способное перемещаться по мелководью. Нечто страшное, порожденное запустением. Более того, , олицетворение всего заброшенного, что есть в нашем мире. Знаешь, ведь ничто просто так не кончается. На месте сгнившего цветка вырастает новый, там, где когда-то бушевало море, вырастает лес. Одно уходит – другое приходит. Смерть порождает жизнь. Так и здесь – корабли не смогли уйти в свободные воды океана и стали чем-то большим. Их остатки объединились, срослись, образовав единое целое, и сейчас где-то там, в соленых водах, спрятанный их непрозрачной дневной суетой, плавает у самого дна существо, состоящее из обломков затонувших кораблей, по внешнему виду напоминающее механического ската. Оно вобрало в себя все железные балки, все мачты со дна нашего моря, и сейчас оно здесь – и оно голодает. Его зовет заунывный вой одинокого парусника, забытого в бухте, и каждую ночь оно приплывает и кружит, кружит вокруг него, и плачет вместе с ним. А мы слушаем, слушаем и смотрим во все глаза: не сверкнет ли на поверхности его гигантский плав-

ник, не появится ли хоть на секунду массивный хвост? Тебе не стоит ходить с нами, его плач страшен, но, услышав его однажды, не сможешь пропустить и дня. Доволен? А теперь иди. Тебя здесь не ждали. *Нечто оно само – запустение*

Крышка люка с шумом захлопнулась. Послышались быстро удаляющиеся шаги и неестественный, в чем-то страшный смех Вилли.

Когда день подходил к концу, у двери клуба выросли три тени. Синхронно ступая босыми ногами по острым иглам, они устремились к берегу моря.

Бесшумно, стараясь не изорвать одежду об запутанные лабиринты острых ветвей, Христоф крался следом. Что-то таинственное, до дрожи притягательное было в трех аккуратных силуэтах, ступающих навстречу полной луне. Они дошли до самого моря, до места, где песок сливается с солью, в то самое время, когда ночь стирает между ними границу. Впереди белела пустая пристань. Она была заброшена уже долгие годы, с тех самых пор, когда последний корабль сел на мель в ста метрах от нее, не успев или не пожелав покинуть родную гавань. Тот корабль долгие годы лежит, как проржавевший скелет, лишь на четверть укутанный солеными водами. Каждый вечер, когда ночной бриз сменяет влажный ветер с моря, корабль плачет. Он воет, воет, как девица по покойнику, и кричит, кричит о своей горькой судьбе, оплакивая суровые бури и ветер, наполняющий паруса. Хри-

стоф стоял и слушал, а сердце его разрывалось от этого плача, он хотел помочь кораблю, хотел вновь наполнить бухту, хотел отдраить палубы и заштопать паруса, лишь бы не слышать его пронзительных криков.

Вдруг послышался лязг – мачта с шумом упала, проехавшись по металлическому корпусу. Корабль начал распадаться на мелкие кусочки. Один за другим они падали, прорезали темную воду, поглощались ею, уходили на дно. Корабль кричал, но крики его перестали звучать заунывно и печально, это были скорее возгласы счастья, освобождения, будто обломки его не останутся навеки погребенными на этом одиноком берегу, а унесутся в глубину морей, в иные туманы – к чужим берегам. *Что-то надломилось.*

Но вот корабль издал последний возглас и скрылся в остывающих водах, и Христоф увидел, или ему лишь почудилось, хвост огромного механического ската, поглотившего очередную жертву и уплывшего в темноту, покорять неведомые ему пока просторы.

Христоф развернулся и побрёл прочь, а фигуры так и остались стоять неподвижно, словно статуи, в оцепенении устремившие взгляд к ныне спокойным водам бухты.

Огни в чужом пруду

Легкий свет прорезал не расступающийся в этих краях даже днем туман. Джим аккуратно ступал босыми ногами по острым сучьям обломанных ветвей, и те с жадностью впились в нежную детскую кожу. Огонек свечи маячил среди плотно растущего кустарника, грел посиневшие от холода и влаги пальцы, освещал путь в непроглядных облаках, так некстати спустившихся с небес на землю. Казалось, этот туман лишил мальчика не только зрения, но и слуха – ни одна птица не нарушала тишины, окутавшей его. В такой тишине было страшно даже дышать – казалось, каждый вздох разлетается гулким эхом на сотни миль во все стороны, приманивая всех хищников леса к хрупкой груди, что так осторожно вздымается и вздрагивает от любого шороха.

Мальчик шел, но перед глазами его не было леса – лишь босые пятки, ступающие по холодной земле, и такое бледное, полное смирения лицо Лимы. Он помнил её, помнил, как никто другой. Совсем юная, она уже обрела те самые черты, присущие хрупким девушкам, вызывающие в любом, кто на них смотрит, самые светлые и непорочные чувства. Его сестра, его дорогая сестра была где-то там, далеко. «Она сбежала из того ужасного мира, в котором нет места чистой душе, её нельзя не понять, но почему, почему не позвала с собой?» – так думал Джим, пробираясь сквозь густой

кустарник. «Прости, Джимми. Они поют. Они зовут меня на север,» – вот и все, что она написала. В сотый раз Джим развернул бумажку с одной, выведенной на удивление ровным почерком, фразой, и тотчас почувствовал горячие капли на своих щеках. Он удивленно запрокинул голову – дождя не было.

Последняя свеча, оставшаяся у него, напоминала ему о том летнем вечере. Её неясный свет дребезжал в плотном от промозглой влаги воздухе так же, как огни в чужом пруду, разливающимся зеленоватым омутом на заросшей стороне тёмного, покрытого легкой сумеречной дымкой вишневого сада. Перед глазами вновь промелькнули белые ступни, робко касающиеся неестественно ровной глади воды, запрокинутые ветром взъерошенные волосы Лимы и легкий вздох удивления, смешанного с ужасом... И тёмный силуэт, почти бесшумно уходящий в мутное зеркало.

«Она ведь выплывет, правда, Джим?» – огни скакали по вспаханной ветром лунной тропе.

«Она ведь просто купается, правда, Джимми?» – родная, ее голос был полон надежды.

«Правда, Джим?» – и огни танцевали в чужом пруду.

Ветер потрепал Лиму по волосам.

«Джимми?»

И все стихло.

Последняя свеча, оставшаяся у него, медленно догорала, обжигая горячим воском детскую ладонь. Ее неясный свет

открывал ему путь к реке. На другом берегу ее черной, как вишневая смола в сумеречный час, воды, излучая легкое сияние, желтела Земля Святого Мартина. Давным-давно Лима рассказывала про нее. Страна, на которую никогда не светит солнце. Это была она, Джим не сомневался ни секунды. Где-то там обитали другие люди, но мальчику было не до них, ведь вся их интересная и заманчивая жизнь не имела никакого смысла в случае, если оборвется его собственная.

И мальчик побрел по ледяному песку, и, казалось, все ветра мира в тот миг набросились на него, желая сбить с ног, а то и дело набегавшее течение омывало такие же голые, как у сестры, уже синеющие пятки.

Последняя свеча потухла.

Холодное дыхание осени пронизало его насквозь, мальчик почувствовал, как босые ноги немеют и кончики костлявых пальцев, не обогреваемые более горячим воском свечи, отказываются держать покрывшийся инеем компас. Джим упал на колени, не в силах дольше сопротивляться ледяной хватке природы.

В паре метров от него блеснула железная тропа.

Она вела на север.

Последние дни августа

Вдали раздавались тихие голоса – то родители копошились на могилах родственников. Мальчик лет десяти бесшумно ступал все дальше от города мёртвых, стараясь не замечать их немой зов о помощи, сливаясь с природой, окружающей его. Тропа вилась среди высокой, высушенной жарким летом травы, в которой он мог при желании спрятаться, даже встав в полный рост. Кузнечики перешептывались о чем-то своём, в ореховой роще играли птицы. Андерсен почти забыл, зачем его привезли сюда в один из последних деньков этого лета, но смерть помнила – она не умеет отменять свидания. Поэтому в тот миг, когда его хрупкое тельце упало в приятно пахнущую сеном траву, что расступилась, укрывая мальчика от полуденного зноя, в метре от него показался камень. Андерсен провел по его шершавой поверхности пальцами и замер – прямо под его рукой чернело чье-то имя.

Он вскочил и хотел было побежать прочь, но столкнулся лицом к лицу с внезапно появившейся перед ним старухой. Ее маленькие черные заплаканные глазёнки смотрели на него в упор. Что-то неестественное было в ней, что-то невесомо-чужое, заставляющее остановиться и замереть вместе с ее мыслями во времени. Трясущиеся руки, нервно перебирающие стебли колокольчиков, почти касались Ан-

дерсена. Он вздрогнул.

– Сынок, – прошелестел ветром ее голос, – Поможешь бабушке набрать колокольчиков? Я-то совсем стара стала... Бишь у меня внучка тут одна, все просит и просит набрать ей букетик – уж сама не может.

Андерсен огляделся.

– Так, тётъ, ведь нет больше колокольчиков! Отцвели давно, еще месяц назад. Где ж я их возьму?

Ответ растаял в воздухе, не всколыхнув ни единой ноты в голосе старушки. Она шла прямо на него. Медленно, чуть пошатываясь.

– Мне бы только колокольчиков, только колокольчиков для моей внученьки, одна она совсем, совсем одна...

Мальчику стало не по себе. Легкая дрожь пронизала все его тело. Он хотел еще что-то сказать, растолковать старушке, что отцвели давно колокольчики, но тогда откуда взялся букет у нее в руках? Меж тем тощее, закутанное в слишком тёплые для лета шали, тело, покачиваясь, двинулось в сторону рощи. Андерсен вновь остался один, но до него еще доносился голос старушки – или то был лишь ветер: «Мне бы только колокольчиков... Совсем, совсем одна!»

Он отвернулся, чтоб поскорей освободить свои мысли от такой странной встречи, и вновь наткнулся взглядом на шлифованный камень.

Ей было шесть. Она погибла в июле.

На недавно заросшей земле лежало несколько засохших

колокольчиков.

Андерсен развернулся и побежал в поле. Спустя пять минут он вернулся с букетом поздних цветов.

– Это тебе. А следующим летом я принесу тебе колокольчиков, обещаю.

«Обещаю,» – где-то вдали повторила за ним роща, – «Обещаю.»

«Здесь спит феникс»

Был август. Христоф сошел с поезда вслед за своим чемоданом и тотчас остановился и принялся.

Вереск.

Его сладковатый запах доносился с полей, наполнял лёгкие и отдавался странной дрожью по всему телу. Что было в нём? Искажение времени, мираж, земля на горизонте, земля необитаемая, родная – издали.

«Вот ты и дома, моряк,» – прошептал он в пустоту.

Солнце осветило далекую деревушку.

«И в доме твоём тишина,» – стук дятла опроверг – опроверг ли? – его слова.

«А ты в нём кто отныне?»

Ветер всколыхнул его короткие, но неопрятные волосы.

Мурашки пробежали по спине Христофа.

«Чужак.»

Найденный кусочек потерянного пазла.

«Зачем я вернулся?» – спросил он у леса. И лес ответил знакомым шелестом листвы. С этим шелестом слился еще один – бумаги, в сотый раз развернутой и скомканной, затем вновь бережно расправленной. На небольшом листке красовались несколько опрятных строк. Письмо гласило:

Здравствуй, сынок.

Я спросила у стариков на берегу, как скоро сменится ве-

тер. Те пожали плечами.

Прошу, не задерживайся сильно.

С любовью,

Сара

В глубокой задумчивости Христоф шел по пыльной лесной дороге, то и дело спотыкаясь о корни, которые торчали из-под земли подобно огромным змеям, извивались и путались под ногами.

«Ох, разве в ветре дело, мама! Разве в ветре дело...»

Мох на прохудившейся крыше расцвел белизной. Мелкие цветочки издали походили на снег, разрушая и без того шаткий во времени мир.

«Сейчас я приду, а там ты, несомненно, уже ждёшь меня.

Десять лет ждёшь, что заскрипит калитка,» – так думал он на подходе.

Минута, еще одна, и вот он уже стоит у ограды, обрамляющей родной дом. И пальцы нервно бегают по прогнившим дощечкам.

Одно усилие отделяет его от всего, про что он забыл на долгие годы странствий.

Тогда, десять лет назад, он стоял точно так же, ощущая особенно остро кончиками пальцев все изгибы и неровности древесины, не решаясь оторвать руку. Будто что-то держало его, говорило, что если он уберет ее сейчас, то навсегда потеряет огромную часть себя, ту, с которой все начиналось. Но он ушел, ушел на долгие десять лет, и вот сейчас вновь

стоит и скользит рукой по доскам совершенно другой человек, воспитанный штормами, расчесанный морским бризом, прошедший на своём «Бумеранге» все океаны.

Но, как известно, бумеранг всегда возвращается, и этот вернулся в родную гавань, и вернул сына матери, хоть ненадолго, до следующего рейса, но бродяга вновь обрёл дом.

Христоф толкнул калитку и прошел во двор. Сад слегка зарос, но кое-где по-прежнему цвели маки – любимые цветы Сары. Когда-то ими был засажен весь участок, потом их вытеснили розы, незабудки и яблони. Юноша усмехнулся. Одну из них он сам сажал, еще будучи ребенком. Вместе с матерью они таскали воду, она все твердила, что все труды, вся энергия, которую мы тратим на растения, передается им, говорила, что цветы живые, и любила разговаривать с ними по вечерам. Христоф не раз обижался на то, что она проводила с ними больше времени, чем с собственным сыном.

На одной из яблонь до сих пор висела качель, которую повесил его отец. Он сел на нее и легко оттолкнулся. Ветка закрипела под его весом. Когда ушел отец, он был совсем маленьким. В тот день мама сначала долго плакала, а потом всю ночь провела с цветами. Разговаривала.

Юноша почувствовал, как мурашки побежали по его коже от воспоминаний, и он поспешно пошел к крыльцу. Все перила до сих пор пестрели цветастыми мазками – когда ему было шесть, они с Сарой решили раскрасить крыльцо, чтобы гостям становилось весело, когда они стояли у порога.

Христоф постучал.

Молчание было ему ответом.

«Должно быть ушла к соседке за молоком.»

Юноша отворил дверь – она никогда не запирала её – и ступил внутрь. Его тут же окутал запах сырости и пыли.

«Мам,» – прокричал он. На столе было пусто. Ветер колыхал белую скатерть.

«Как всегда идеально чистая.»

Он шагнул вглубь дома, прошел мимо косяка, на котором красовались корявые надписи: «Хрис, 6 лет», «Хрис, 8 лет»...

Юноша невольно улыбнулся. Сколько жизни было в этой дощечке!

Сколько прожитых минут, сколько счастья и беспечности таилось под неряшливыми штрихами и буквами!

«Хрис, 14 лет», «Хрис, 15 лет». И дальше – пустота.

«Я вернусь, как переменится ветер, обещаю.»

Улыбка ненадолго спала, но вскоре явилась вновь: юноша стал спиной и поставил зарубку. Приписал: «Капитан Хрис, 25 лет.»

Солнце пробежалось лучом по косяку. Следом за ним терпкий взгляд соскользнул на тумбочку. Там, рядом с семейной фотографией, стояла небольшая вазочка. Христоф подошел ближе и принялся рассматривать её. Обычная, медная, с белой полосой, обрамляющей её, на которой красовалась надпись на двух языках.

«Мама так любит все старое. В особенности латынь.»

Надпись гласила

В ту минуту, когда взгляд Христофа упал на аккуратно выгравированную фразу, все вдруг прояснилось для него, сердце невольно кольнуло, руки задрожали.

Отдышавшись, мужчина испуганно поставил вазу обратно и, медленно перебирая пальцами лохмотья письма в кармане, побрел в сад. Там он сел среди маков, запрокинул голову и, глотая невольно подошедшие к горлу слёзы, прошептал: «Пройдут года, и феникс проснётся вновь.

Проснись и ты.»

Nic dormit phoenix

Здесь спит феникс

Все, что ты хочешь забыть

Ветер шелестел меж притихших стеллажей. Из книг не слышались голоса забытых героев, не раздавались пушечные выстрелы, не пахло цветущей вишней. Городская библиотека уже много лет одиноко стояла в самом центре многолюдной площади, окруженная суетой шумных улиц, как необитаемый остров тишины и спокойствия. Шагни внутрь – и ее каменные стены оградят тебя от всего прочего, укутают в теплые объятия, и не будет для тебя больше существовать ничего в этом мире, кроме сотен тысяч пыльных корешков и пожелтевших страниц. Когда-то ее темные залы кишели людьми – тогда не умолкали в коридорах крики Наполеона, вместо стен темнело расступившееся красное море, а на потолке, в глазах Болконского, безудержно белело такое бесконечное небо. Но теперь ее залы опустели, море ушло, а Андрей спит сладким сном где-то на самом верху стеллажей, и лишь облезлые мыши изредка волнуют его безмятежные грезы. И библиотека вся дремлет вместе с ним, но как ни вечен сон ее, приглушенные шаги однажды должны были пронзить тишину, спокойное дыхание – спугнуть застоявшийся воздух.

Андерсен ступил внутрь. Следом за ним, прячась в тени его вздохов, шел силуэт. Вместе они пробирались все дальше в лес, полный загадок, проходили поворот за поворотом,

пока ни оказались в самой его чаше. Тогда мужчина остано-
вился и провел тонкими пальцами по запылившимся кореш-
кам, на которых сохранились следы сажи. На его лице заиг-
рала таинственная улыбка.

– Они здесь, – журналист взглянул на силуэт. В темноте
чиркнула спичка. Зажглась свеча.

– Посмотри, – Андерсен обратил взгляд на свечу, – С нее
все началось. Маленькая свеча, сотни свечей, сотни огонь-
ков, дарующих свет. Всего-то. И труд стольких поколений
исчез, растворился в ночи.

– О чем ты? – из темноты показалось лицо Христофа.

– О чем я? О многом, мой друг, о многом. О времени,
о людях. Видишь эти книги? Одна полка, всего одна полка,
какие-то десятки книг – вот и все, что сохранилось. Да и те
лежат в заброшенной библиотеке без дела уже столько лет.
А их были тысячи, десятки тысяч!

– Но что стало с ними? Пожар?

– Нечто большее. Говорят, сама природа, сам Бог в тот час
отомстил людям за все их грехи. 1755 год. Осень. Самое на-
чало ноября. Лиссабон, один из самых процветающих горо-
дов Европы, готовится к празднику – грядет Собор всех свя-
тых. Представь, во всех церквях, во всех домах горят свечи,
толпы людей бегают, суетятся, заходят в лавки, и тут, в су-
меречной мгле, над городом нависает чудовище. Землетря-
сение разрушает половину зданий в городе, свечи, упавшие
от мощнейших толчков, поджигают оставшиеся. В церквях,

или том, что от них осталось, горят иконы, объяты пламенем лики святых, в библиотеке превращаются в пепел тысячи рукописей, тома записей о важнейших научных открытиях, зарисовки, описывающие судьбы экспедиций... Корчатся от боли люди, раздавленные остатками некогда величественной, прекраснейшей архитектуры, тайны которой будут утеряны навеки. А затем лежащий в руинах, объятый пламенем город накрывает сильнейшее цунами, уносящие остатки уничтоженной культуры в открытое море. Собор всех святых. Прожженные иконы, истлевшие фолианты. Тысячи бездыханных тел. За какой-то час один из богатейших городов Европы превратился в груды обломков, припорошенную пеплом, омытую солью. Эти книги, эти забытые всеми книги – последнее, что осталось из семидесяти тысяч томов.

Андерсен отдернул руку, будто обжегся.

– Да из искры и вспыхнет пламя.

Христоф стоял, не шелохнувшись, но журналист видел, как в его глазах рушились церкви, умирал объятый пламенем город. Но в один миг что-то сменилось в нём, будто нечто важное всплыло из взъерошенной историей памяти. Капитан дотронулся до чернеющего корешка и отряхнул его.

– Я читал ее, – капитан открыл книгу, – Давно, совсем мальчишкой, я пробрался в закрытую часть библиотеки и нашёл ее. Потратив уйму времени на перевод, я сумел прочесть записи об одной из экспедиций. Она искала золото. Некогда награбленное и погребенное под землей, оно представляло

из себя огромную ценность. Про него ходит в тех краях одна легенда. Говорят, когда команда предавала земле свои богатства, мимо проходила настоятельница монастыря. Капитан побоялся за сохранность своих сокровищ и велел отрубить ей голову. Девушку похоронили там же, в Мельничной бухте, в одной яме с золотом. С тех пор все корабли, приплывавшие к проклятому берегу, бесследно исчезали, а местные стали рассказывать про девушку в черном одеянии с окровавленной шеей, появляющуюся каждый вечер на пустынном берегу. Та экспедиция тоже бесследно пропала.

Христоф провел пальцем по старинной карте.

– Она снится мне иногда. Снится песок, снится та пустынная бухта. И я думаю, а чего стоили кому-то эти книги, какие жертвы были принесены пылающей стихии, чтобы та позволила им остаться в живых? И каждый раз, когда на горизонте из тумана выплывает тонкая полоска песка, я вспоминаю эту легенду. Вспоминаю и многие другие, о таких же моряках, об их сокровищах, о радости и печали, об огне и море, что вместе с ветром тянет песнь о жизни, о жизни бесконечной и обо всем, что наполняет ее. Это все, что терзает меня долгие годы.

Андерсен посмотрел ему в глаза. В них бушевало море. Где-то в глубине зала проснулся ветер. И Христоф прошептал:

– Это все, что нельзя забывать.

Пикирующая ласточка

– Вы верите в параллельные миры, Мисс Агнет? – спросил молодой человек лет двадцати, садясь на покосившуюся скамью в белой обшарпанной беседке, в продолжение разговора, явно его слегка утомившего, но являющегося столь интригующим, что он не посмел бы оборвать его даже ради положенного вечернего чаепития. «Хотя может и стоило бы,» – пронеслось у него в голове в тот момент, когда он облокотился на беседку, на лету закидывая ногу на ногу.

Его собеседница стояла, опершись на колонну и рисуя пальцем очертания древних растений, ища их в хитрых завитках резного дерева. Молодой человек наблюдал за ней, не смея даже дышать, чтоб не прервать погружение в ниши памяти, туда, где на полках пылятся воспоминания по соседству с забытыми эмоциями и событиями, которые прошли настолько давно, что ныне их сложно отличить ото снов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.